

35

МАРКС — МАКСУ ФРИДЛЕНДЕРУ⁶²⁵

В ВЕНУ

Лондон, 16 мая 1859 г.
9, Graftonterrace, Maitlandpark,
Haverstockhill

Милостивый государь!

Я регулярно получаю венскую «Presse» и тем более благодарен за ее присылку, что она мне разъясняет положение дел в Австрии в этот важный момент.

Я еще не получил ответа на свое письмо, посланное Вам уже несколько недель тому назад. В случае, если бы расстройство венского денежного рынка⁶²⁶ помешало предусмотренному соглашению, я просил бы немедленно поставить меня об этом в известность, так как в связи с предполагаемой посылкой телеграмм я вступил в договоренность с некоторыми здешними газетами, что вводит меня в денежные расходы, и я в таком случае немедленно расторгну эту договоренность.

Преданный Вам
д-р К. Маркс

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

36

ЭНГЕЛЬС — ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ

В БЕРЛИН

Манчестер, 18 мая 1859 г.
6, Thorncliffe Grove

Дорогой Лассаль!

Вам, вероятно, показалось несколько странным, что я так долго не писал, тем более, что я должен был сообщить свое мнение о Вашем «Зиккингене»^{*}. Но именно это и было причиной моего столь длительного молчания. При том оскудении изящной литературы, которое сейчас царит повсюду, мне редко случалось читать подобного рода произведения и уже несколько лет мне не приходилось подобные произведения читать *так*,

^{*} Ф. Лассаль. «Франц фон Зиккинген». Ред.

чтобы в результате чтения дать обстоятельную оценку, высказать твердо установившееся мнение. Появляющаяся макулатура и не стоит этого труда. Даже те немногие сравнительно хорошие английские романы, которые я еще время от времени читаю, как, например, Теккерея, несмотря на их неоспоримое литературное и культурно-историческое значение, ни разу не могли в такой степени заинтересовать меня. Но вследствие столь долгого бездействия мои критические способности изрядно притупились, и требуется немалый срок, прежде чем я могу позволить себе высказать свое мнение. Однако Ваш «Зиккинген» заслуживает иного отношения, чем весь этот вздор, и поэтому я не пожалел на него времени. Первое и второе чтение Вашей во всех отношениях — и по теме, и по трактовке — национально-германской драмы взволновало меня до такой степени, что я должен был на время отложить ее в сторону, тем более, что мой вкус в наши скудные времена так притупился, — к стыду своему я должен в этом признаться, — что порой даже мало чего стоящие произведения при первом чтении производят на меня известное впечатление. Так вот, чтобы быть вполне беспристрастным, вполне «критическим», я отложил на время «Зиккингена», вернее — одолжил его кое-кому из знакомых (здесь еще есть несколько немцев, более или менее образованных в вопросах литературы). Но «habent sua fata libelli»^{*}, — когда их одалживаешь, то редко получаешь обратно, — и моего «Зиккингена» мне тоже пришлось отвоевывать силой. Могу сказать, что при третьем и четвертом чтении впечатление осталось то же самое, и в уверенности, что Ваш «Зиккинген» способен выдержать критику, я выскажу Вам о нем несколько «теплых слов».

Я знаю, что для Вас не будет большим комплиментом, если я констатирую тот факт, что ни один из современных официальных поэтов Германии ни за что не был бы в состоянии написать подобную драму. Тем не менее, это все же факт, и притом для нашей литературы слишком характерный, чтобы о нем можно было умолчать. Прежде всего коснусь формы. Меня очень приятно поразила искусная завязка интриги и драматизм, пронизывающий пьесу. В области стихосложения Вы, однако, позволили себе некоторые вольности, которые, впрочем, больше мешают при чтении, чем на сцене. Хотелось бы прочесть Вашу драму в обработке для сцены. В своем настоящем виде она, конечно, не сценична. У меня здесь был один молодой немецкий поэт (Карл Зибель), мой земляк и дальний родственник,

^{*} — «книги имеют свою судьбу» (Теренций Мавр. «О буквах, слогах и о метрах Горация», стих 1236). *Ред.*

довольно много поработавший в области театра. Возможно, что ему, как прусскому гвардейцу запаса, придется поехать в Берлин, в таком случае, я, пожалуй, возьму на себя смелость дать ему небольшое письмо к Вам. Он очень высокого мнения о Вашей драме, но считает ее совершенно не сценичной из-за длинных монологов, во время которых играет лишь один из актеров, между тем как остальным пришлось бы дважды или трижды исчерпать всю свою мимику, чтобы не стоять статистами. Два последних акта в достаточной степени показывают, что Вам не трудно сделать диалог быстрым и живым, а так как, по-моему, за исключением отдельных сцен (что бывает в каждой драме), это можно было бы сделать и в первых трех актах, то я не сомневаюсь, что при обработке для сцены Вы сможете учесть это обстоятельство. *Идейное содержание*, конечно, должно при этом пострадать, но это неизбежно. Полное слияние большой идейной глубины, осознанного исторического содержания, которые Вы не без основания приписываете немецкой драме⁶²⁷, с шекспировской живостью и богатством действия будет достигнуто, вероятно, только в будущем, и возможно, что и не немцами. Во всяком случае, именно в этом слиянии я вижу будущее драмы. В Вашем «Зиккингене» взята совершенно правильная установка: главные действующие лица являются действительно представителями определенных классов и направлений, а стало быть и определенных идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных приключениях, а в том историческом потоке, который их несет. Но дальнейший шаг вперед, который следовало бы сделать, заключается в том, чтобы эти мотивы более живо, активно и, так сказать, стихийно выдвигались на первый план ходом самого действия, а аргументирующие речи (в которых, впрочем, я с удовольствием узнал Ваш старый ораторский талант, с каким Вы выступали на суде присяжных и на народном собрании)⁶²⁸, напротив, становились бы все более излишними. Этот идеал Вы, по-видимому, сами считаете своей целью, поскольку Вы проводите различие между сценической и литературной драмой. Мне думается, что «Зиккингена» можно было бы превратить в этом смысле в сценическую драму, хотя, конечно, это дело трудное (достичь совершенства не так просто). С этим связана характеристика действующих лиц. Вы совершенно справедливо выступаете против господствующей ныне *дурной* индивидуализации, которая сводится просто к мелочному умничанью и составляет существенный признак оскудевающей литературы эпигонов. Мне кажется, однако, что личность характеризуется не только тем, *что* она делает, но и тем, *как* она это делает; и в этом отношении идей-

ному содержанию драмы не повредило бы, по моему мнению, если бы отдельные характеры были несколько резче разграничены и острее противопоставлены друг другу. Характеристика, как она давалась у *древних*, в наше время уже недостаточна, и тут, по моему мнению, было бы неплохо, если бы Вы несколько больше учли значение Шекспира в истории развития драмы. Но это второстепенные вопросы, которые я упоминаю только для того, чтобы Вы видели, что я интересовался Вашей драмой и со стороны формы.

Что касается исторического содержания, то Вы очень наглядно и с правильным учетом дальнейшего развития изобразили обе стороны тогдашнего движения, которые Вас наиболее интересовали: национальное дворянское движение, представленное Зиккингеном, и теоретико-гуманистическое движение с его дальнейшим развитием в теологической и церковной сфере, то есть с Реформацией. Больше всего мне понравились тут сцены между Зиккингеном и императором и между легатом и архиепископом Трирским (здесь Вам к тому же удалось дать прекрасную индивидуальную характеристику, противопоставляя светского, эстетически и классически образованного, политически и теоретически дальновидного легата ограниченному немецкому князю-попу, — характеристику, которая в то же время прямо вытекает из характера обоих действующих лиц как *типичных представителей*); большой меткостью отличается обрисовка характеров и в сцене между Зиккингеном и Карлом. Что касается автобиографии Гуттена, *содержание* которой Вы справедливо считаете существенным, то Вы несомненно пошли на весьма рискованный шаг, вставив это содержание в драму. Очень важен также разговор между Бальтазаром и Францем в акте V, где первый излагает своему господину *действительно революционную* политику, которой тот должен был бы следовать. Именно здесь выступает подлинно трагическое, и мне кажется, что именно эту сторону дела, ввиду ее большого значения, следовало бы несколько резче подчеркнуть уже в акте III, который дает для этого достаточно поводов. Но я опять занялся второстепенными вопросами.

Позиция городов и князей того времени также изображена во многих местах очень ярко, и таким образом более или менее исчерпаны так называемые *официальные* элементы тогдашнего движения. Но я считаю, что Вы уделите недостаточно внимания неофициальным — плебейским и крестьянским — элементам и сопутствующим им их представителям в области теории. Крестьянское движение было в своем роде столь же национально и было в такой же степени направлено против князей, как

и движение дворянства, а огромный размах борьбы, в которой оно потерпело поражение, составляет резкий контраст по сравнению с той легкостью, с какой дворянство, бросив Зиккингена на произвол судьбы, примирилось со своим историческим призванием — раболепством. Именно поэтому и при Вашем понимании драмы, которое, как Вы, вероятно, заметили, я считаю слишком абстрактным, недостаточно реалистичным, — крестьянское движение заслуживало более внимательного рассмотрения; правда, крестьянская сцена с Йоссом Фрицем характерна, и индивидуальность этого «смутьяна» изображена вполне правильно, но она не показывает с достаточной силой, в противовес дворянскому движению, бурно разлившийся уже тогда поток крестьянских волнений. Согласно *моему* пониманию драмы, требующему, чтобы за идеальным не забывать реалистического, за Шиллером — Шекспира, привлечение тогдашней, поразительно пестрой плебейской общественной сферы дало бы к тому же совершенно иной материал для оживления драмы, дало бы неоценимый фон для разыгрывающегося на авансцене национального дворянского движения, и лишь тогда само это движение было бы представлено в его истинном свете. Какие только поразительно характерные образы ни дает эта эпоха распада феодальных связей в лице бродячих королей нищих, побирающихся ландскнехтов и всякого рода авантюристов — поистине фальстафовский фон, который в исторической драме *такого* типа был бы еще эффектнее, чем у Шекспира! Но не говоря уже об этом, мне кажется, что, отодвинув на задний план крестьянское движение, Вы тем самым неверно изобразили в одном отношении и национальное дворянское движение и вместе с тем упустили из виду *подлинно* трагический элемент в судьбе Зиккингена. По-моему, масса тогдашнего дворянства, подчиненного непосредственно империи, не думала о заключении союза с крестьянами, этого не допускала его зависимость от доходов, получаемых путем угнетения крестьян. Скорее был бы возможен союз с городами, но и он либо совсем не осуществлялся, либо осуществлялся только частично. А между тем проведение национальной дворянской революции было возможно только в союзе с городами и крестьянами, в особенности с последними. Как раз в том, на мой взгляд, и заключается трагический момент, что союз с крестьянами — это основное условие — был невозможен, что вследствие этого политика дворянства должна была по необходимости сводиться к мелочам, что в тот момент, когда оно захотело встать во главе национального движения, *масса* нации, крестьяне, запротестовала против его руководства, и оно таким образом неизбежно должно было

пасть. Насколько исторически обосновано Ваше предположение, что Зиккинген был все же в какой-то степени связан с крестьянами, я не могу судить. Да это и не важно. Впрочем, насколько я припоминаю, там, где в своих произведениях Гуттен обращается к крестьянам, он лишь слегка задевает щекотливый пункт об отношении к дворянству и старается направить всю ярость крестьян главным образом против попов. Но я отнюдь не хочу оспаривать Ваше право рассматривать Зиккингена и Гуттена как деятелей, ставивших себе целью освобождение крестьян. Однако тут и получается у Вас то трагическое противоречие, что оба они оказались стоящими между дворянством, бывшим решительно *против* этого, с одной стороны, и крестьянами — с другой. В этом и заключалась, по-моему, трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления. Упуская этот момент, Вы умаляете трагический конфликт, сводя дело к тому, что Зиккинген, вместо того чтобы сразу вступить в борьбу с императором и империей, начинает борьбу только с *одним* князем (хотя Вы и здесь с должным тактом вводите крестьян) и гибнет просто из-за равнодушия и трусости дворянства. А это равнодушие, эта трусость были бы гораздо лучше мотивированы, если бы Вы уже до этого сильнее подчеркнули нарастающую угрозу крестьянского движения и ставшее неизбежно более консервативным после предшествующих выступлений «Башмака» и «Бедного Конрада»⁶²⁹ настроение дворянства. Но все это, впрочем, лишь *один* из путей, каким можно ввести в драму крестьянское и плебейское движение, и существует по крайней мере десяток других, столь же или еще более подходящих способов.

Как видите, и с эстетической, и с исторической точки зрения я предъявляю к Вашему произведению чрезвычайно высокие, даже *наивысшие* требования, и то, что только при таком подходе я могу выдвинуть кое-какие возражения, послужит для Вас лучшим доказательством моего одобрения. Ведь *среди нас* уже с давних пор критика, в интересах самой партии, носит по необходимости самый откровенный характер. Впрочем, меня и всех нас всегда радует, когда мы получаем новое доказательство того, что в какой бы области ни выступала наша партия, она всегда обнаруживает свое превосходство. И в данном случае Вам также это удалось.

Что касается мировых событий, то они, по-видимому, принимают весьма отрадный оборот. Едва ли можно себе предстать вить лучшую основу для основательной германской революции, чем та, которая создается франко-русским союзом. Мы, немцы,

должны оказаться на краю гибели, прежде чем всей массой придем в *furor teutonicus*^{*}, а на этот раз опасность погибнуть надвинулась как будто достаточно близко. Тем лучше. При подобном кризисе должны погибнуть все власть предержащие и уничтожиться все партии одна за другой — от «*Kreuz-Zeitung*» до Готфрида Кинжеля и от графа Рехберга до «Геккера, Струве, Бленкера, Блюма и Цица»⁶³⁰. В такой борьбе должен наступить момент, когда только самая решительная, ни перед чем не останавливающаяся партия окажется в состоянии спасти нацию и когда в то же время создадутся условия, при которых только и возможно окончательно выбросить за борт весь старый хлам — внутреннюю разобщенность, с одной стороны, и полученные от Австрии польский и итальянский привески — с другой. Мы не должны уступать ни одной пяди прусской Польши, а что ...^{**}

*Впервые опубликовано в журнале
«Die Neue Zeit», Bd. 1, № 18, 1922*

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

37

МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ
В БЕРЛИН

[Лондон], 10 июня 1859 г.

Дорогой Лассаль!

За то время, что я не писал тебе, я должен был приготовить пятнадцать печатных листов для выходящей в Нью-Йорке англо-американской энциклопедии. При моих прочих работах это не шутка. Сегодня — день, когда я пишу статьи для «*Tribune*». Поэтому времени совершенно нет. Я пишу лишь для того, чтобы известить тебя, что я получил твои письма и брошюру^{***}.

Сейчас только следующее:

Относительно «Зилхингена»: как только будет время, будет прочтено и последует ответ⁶³¹.

Относительно брошюры: отнюдь не мои взгляды и не взгляды моих партийных друзей в Англии. Впрочем, возможно, что мы выскажем наши взгляды в печати.

^{*} — тевтонское бешенство. *Ред.*

^{**} Конец письма отсутствует. *Ред.*

^{***} *Ф. Лассаль. «Итальянская война и задачи Пруссии». Ред.*